

0607

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Барбара Уоллес

НАШ СКАЗОЧНЫЙ РОМАН

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Барбара Воллес

Наш сказочный роман

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Воллес Б.

Наш сказочный роман / Б. Воллес — «Центрполиграф»,
2015 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06702-9

Что может быть общего между скромной домработницей Пейшенс Раш и богатым юристом Стюартом Даченко? Если только их не связывает зародившееся чувство... Но любви мешает страшный секрет, который тщательно скрывает Пейшенс. Стюарт полон решимости узнать, в чем дело...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-06702-9

© Воллес Б., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Барбара Воллес

Наш сказочный роман

Barbara Wallace
A Millionaire for Cinderella

© 2015 by Barbara Wallace

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

Пейшенс мерила шагами приемный покой скорой помощи.

– Простите. – Она постучала в стеклянное окошко регистратуры. – Моя... бабушка здесь уже очень давно. – Пейшенс соврала, потому что скажи она «моя хозяйка», то это не вызвало бы расположения медсестры. К счастью, персонал успел смениться, а иначе прежняя дежурная вспомнила бы ее. – Я могу узнать, что с ней?

Медсестра сочувственно улыбнулась:

– У нас сегодня действительно много больных. Доктор скоро выйдет и все вам расскажет. Легко ей говорить! Ведь не ее хозяйка рухнула с лестницы!

Крик Аны продолжал звучать у Пейшенс в голове. Если бы Пейшенс не была в другой комнате, если бы она не решила, что Найджел подождет с обедом, то Ана не находилась бы здесь, а пила бы пятичасовую чашечку чаю в большой гостиной, как делала каждый день.

Несмотря на печальное событие, Пейшенс не удержалась и усмехнулась. Год назад она и не знала, что такое большая гостиная. Как же изменилась ее жизнь после того, как она стала работать в доме Аны! Если бы Ана знала, что она спасла Пейшенс, спасла от темного, грязного существования.

Конечно, Ана ничего не могла знать. Что касается Пейшенс, то ее жизнь началась заново в тот день, когда она нанялась на работу к Анастасии Даченко. Все, что она делала до этого, было смыто.

Больничные двери с тихим шорохом раскрылись, и вошел еще один посетитель. Мгновенно атмосфера в приемной переменилась. И произошло это не потому, что тепло июньского дня поглотил холодный воздух кондиционера. Разговоры смолкли, и все внимание было обращено на этого человека. Даже медсестра в регистратуре выпрямилась. На секунду Пейшенс подумала, что вошла местная знаменитость.

Дизайнерские рубашка и шелковый галстук говорили сами за себя. Так же как и гордая осанка. Копна каштановых волос немного смягчала резкие черты лица. Можно держать пари, что этого человека не заставить ждать битый час.

Мужчина подошел прямо к окну регистратуры, и Пейшенс услышала, как он назвал фамилию Даченко.

Таких совпадений не бывает. Пейшенс откинула с лица темную прядь волос,правила блузку и сделала шаг вперед.

– Прошу прощения, но я услышала, что вы спрашиваете об Ане Даченко.

Он повернулся к ней:

– Кто вы?

На секунду Пейшенс лишилась дара речи. Глаза его были похожи на голубой цвет пламени. И также обжигали. И еще они смотрели прямо в душу.

– Я – Пейшенс Раш, – придя в себя, сказала она.

Взгляд стал еще более пронзительным.

– Домработница тети Анастасии?

Его тетя. Пейшенс поняла, с кем она говорит. Это – Стюарт Даченко, внучатый племянник Аны, тот, кто звонит ей дважды в неделю. И, насколько ей известно, единственный родственник, с которым Ана общалась. Пейшенс не знала почему, но, наверное, в семье была размолвка, и Ана не желала иметь дело с «этим жалким сбродом», как она называла родных. Она благоволила лишь Стюарту и ему доверила заниматься ее финансами.

– Я думала, что вы в Лос-Анджелесе, – сказала Пейшенс, когда он назвал себя. Ана говорила, что он застрял там почти на год в связи со скандальным завещанием семьи одного миллиардера.

– Я закончил свои дела только вчера. Что случилось?

– Случился Найджел, – ответила Пейшенс. Найджел был обожаемым котом Аны.

По лицу Стюарта она поняла, что юмора он не оценил. Винить его не за что, учитывая обстоятельства. Она сомневалась, что он счел бы это остроумным при любых обстоятельствах. У него такой рот... Маловероятно, что он часто улыбается.

– Найджел мяукал в прихожей, требуя обеда, – продолжала Пейшенс. – Насколько я могу предположить, когда Ана спустилась по лестнице, он начал виться вокруг ее ног, и она потеряла равновесие.

Стюарт поднял брови.

– Насколько вы можете предположить?

Да, этот человек, несомненно, юрист. Пейшенс почувствовала себя в суде под обстрелом вопросов.

– Я была в столовой – чистила серебро. Я услышала крик Аны, подбежала к лестнице, но она уже лежала на полу.

Племянник ничего не ответил. Он просто сверлил ее жестким взглядом, потом отвернулся к медсестре со словами:

– Я бы хотел увидеть тетю. – Сказано было мягко, с интонацией просьбы, но тем не менее прозвучало как приказ.

Медсестра кивнула:

– Я сейчас узнаю.

Ну наконец-то кое-что прояснится.

– Я пытаюсь получить информацию о состоянии Аны с тех пор, как привезла ее сюда, но никто ничего мне не говорит.

– И не скажет, – ответил он на возмущение Пейшенс. – Законы защищают частную жизнь. Вы же не родственница.

Понятно. Не важно, что это она привезла Ану и заполняла в приемном покое документы. Любому здравомыслящему ясно, что она беспокоится о больном человеке. Какая разница – родственница она или нет?

Племянник Аны оказался не таким, каким его себе представляла Пейшенс. Ана всегда говорила о нем, как о «ее милоте Стюарте». Котик... она называла его «котиком» по телефону. Мужчина, стоящий рядом, совершенно не походил на котика. Скорее на хищника.

Очевидно, единственной просьбы милого Стюарта было достаточно, чтобы через минуту распахнулась дверь из лечебного блока и оттуда появился ординатор в бледно-зеленом балахоне.

– Мистер Даченко?

Врач направился к Стюарту, однако бросил на Пейшенс быстрый, заинтересованный взгляд. Такой взгляд был ей знаком. Она сделала вид, что не заметила этого.

– Прошу извинить, что заставил вас ждать, – продолжал врач. – Мы ждали результата компьютерной томографии вашей тетушки.

– Как она?

– У нее бималеолярный перелом левой лодыжки.

– Би... что? – со страхом спросила Пейшенс. Хотя бы на самом деле это было не так страшно, как звучит на медицинском жаргоне.

– Бималеолярный или двулодыжечный означает, что пострадали и кость, и связка, – объяснил врач.

– И что из этого следует? – спросил Стюарт.

– То, что ей необходима операция.

Операция? Пейшенс ужаснулась:

– Операция опасная?

– В ее возрасте все, что включает анестезию, имеет определенный риск.

– У нее отличное здоровье, – сказала Пейшенс, скорее убеждая себя, а не врача. – Ей все дают на десять лет меньше.

– Это хорошо. Значит, выздоровление пройдет легче. В общем и целом ей повезло – она сломала только лодыжку. В ее возрасте падения чрезвычайно опасны.

– Я знаю, – ответил Стюарт. И бросил многозначительный взгляд в сторону Пейшенс. – Мы можем ее увидеть?

– Она в смотровой номер шесть, – сказал врач. – Скоро ее заберут наверх, но пока что вы можете посидеть с ней.

Смотровая номер шесть оказалась отгороженным шторой отсеком по левую сторону двух рядов таких же занавешенных ячеек. Стюарт отдернул занавеску. Ана лежала под простыней, около нее медсестра проверяла внутривенную капельницу. Попискивали какие-то приборы. У Пейшенс внутри все сжалось, когда она увидела неподвижную Ану с трубками, торчащими из рукава платья. Она всегда была такая оживленная и бодрая, что в голову не приходило, что ей восемьдесят лет.

– Мы ввели ей болеутоляющее. Так что не волнуйтесь, если у нее бессвязная речь, – предупредила медсестра.

Стюарт вошел первым, а Пейшенс – за ним. Он встал у изголовья кровати и тонкими длинными пальцами убрал волосы с лица тети.

– Тетя, это я, Стюарт.

Пейшенс подумала о том, что вот так же ласково она будила по утрам свою младшую сестричку Пайпер, чтобы та не опоздала в школу. Ее это удивило. Он уж точно не похож на мягкосердечного человека.

Веки у Аны дрогнули, она открыла глаза, заморгала и сонно улыбнулась:

– Как ты здесь оказался?

– Тревожная кнопка на ожерелье, которое ты не любишь носить, сообщила мне, что на номер скорой помощи 911 поступил сигнал. Я как раз возвращался из аэропорта.

Улыбка сделалась шире.

– Значит, ты вернулся окончательно?

– Да.

– Я скучала по тебе, лапушка.

– Я тоже скучал. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, раз ты здесь. – Ладонь с шишковатыми пальцами похлопала его по руке. – А как Найджел? С ним все в порядке?

– Найджел чувствует себя замечательно.

– Вот негодник. Обязательно скажи ему, что я им недовольна.

– Скажу, скажу.

– Но не слишком ругай. Он ведь не хотел. – Веки у Аны отяжелели – вот-вот заснет.

– Тетя, поспи немного. Теперь я вернулся домой и обо всем позабочусь.

– Мой милый мальчик... – Она закрыла глаза. И тут же снова открыла: – Пейшенс?

До сих пор Пейшенс стояла в ногах кровати, чтобы не мешать. Услышав свое имя, она подвинулась ближе.

– Да, Ана?

– Вот ты где. Спасибо.

– Не нужно меня благодарить, – сказала Пейшенс.

– Нужно. Ты такая заботливая.

Краем глаза Пейшенс увидела, как Стюарт нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Она притворилась, что ничего не заметила, и сказала, глядя на Ану:

– Я всего лишь сделала то, что сделал бы любой. А теперь вам надо отдохнуть.

– Найджел... пока я здесь... он нуждается в заботе.

– Конечно, я позабочусь о нем.

– И... Стюарт... тоже.

Пейшенс решила, что Ана имеет в виду, что племянник тоже позаботится о Найджеле. Наверное, так, потому что мужчина, стоящий рядом с Пейшенс, в заботе не нуждается. И особенно со стороны таких персон, как она.

Судя по дернувшейся щеке, Стюарт был схожего мнения.

Они пробыли у Аны, пока не появилась другая медсестра, чтобы проверить капельницу. Крошечное пространство едва вмещало двоих, не говоря уже о троих, так что Пейшенс вышла за занавеску. И очень удивилась тому, что Стюарт вышел следом за ней.

– Из-за этого дурацкого кота она сломала лодыжку, но свой кошачий обед от Гурме он все равно получит, – сказала Пейшенс. Хорошо, что кот хотя бы не опрокинул на пол свой лоток или, что хуже, не попался и ей под ноги.

Стюарт продолжал смотреть на нее. Выражение лица у него было суровое.

– Вы уверены, что это из-за Найджела Ана оступилась?

Глупый вопрос.

– Конечно, я уверена, – ответила она. – Я хочу сказать, что не знаю наверняка. Но была пора обеда, а у кота, когда он голоден, дурацкая привычка тереться и виться около того, кто поблизости. Почему вы спрашиваете? – Ана же сказала ему, что несчастный случай произошел из-за кота!

– Просто хочу убедиться, что знаю все подробности.

Подробности? Он произнес это так, словно они персонажи детективной истории.

– Проверьте мне, вам все известно. Найджел страшно избалованное домашнее животное. К тому же кто еще мог подвернуться ей под ноги? Я – единственный человек в доме, и я...

Господи! Неужели он... Она бросила на него возмущенный взгляд из-под челки.

– Вы думаете, что я имею отношение к этому несчастью?

– С чего мне так думать? Ана винит во всем Найджела.

– Потому что она споткнулась о Найджела.

Его недоверие... В голове не укладывается. Да нет, очень даже укладывается. Разумеется, он подозревает домработницу.

– Вы хотите сказать, что ваша тетя говорит неправду?

– Это маловероятно.

– Тогда с какой стати мне вам лгать?

– Разве я сказал, что вы лжете? Я просто собираю факты. Это вы ищете другой смысл в моих вопросах.

Она открыла рот, чтобы возразить, но не успела: он поднял палец со словами:

– Хотя вам не стоит меня обвинять за мои подозрения.

Разве? Да он практически прямо дает ей понять, что она столкнула беспомощную старую даму с лестницы.

– И почему же у вас такие подозрения? – Она скрестила руки на груди. Пусть скажет!

– Для начала, тетя Ана взяла вас на работу в мое отсутствие. Пока я находился в Лос-Анджелесе.

Понятно. Его обошли.

– Другими словами – вам это не нравится, потому что Ана не обсудила это сначала с вами.

– Да, мне не нравится. Обычно я занимаюсь наймом прислуги в нашей семье, а вам каким-то образом удалось этого избежать. В результате я абсолютно ничего про вас не знаю. Вы вообще можете скрывать какой-нибудь сомнительный секрет.

У Пейшенс похолодело внутри. Если бы только он знал...

Не важно, какие сомнительные решения она принимала в своей жизни, но причинить вред беспомощной старушке... Это невыносимо.

– Вы правы, – сказала она Стюарту, – вы меня не знаете.

Откинув занавеску, она вернулась к постели Аны.

Стюарт подавил угрызения совести. Но с какой стати? Он беспокоится о своей семье. В конце концов, восемь месяцев назад он ничего не слышал о Пейшенс Раш. И вдруг его тетя только и говорит, как о своей домработнице. Пейшенс это, Пейшенс то.

«Стюарт, не нужно волноваться за меня. Пейшенс обо мне позаботится. Пейшенс переезжает ко мне домой». И последняя капля... «Пейшенс взяла на себя выпуск чеков».

А теперь, когда тетя Ана вышла из строя, Пейшенс получает слишком много полномочий. Или получила бы, не вернись он домой. Стюарт укорил себя за то, что его не было рядом с тетей целых восемь месяцев. И вот пожалуйста: тетя приглубила незнакомого человека, о котором он ничего не знает. Ана, конечно, для своего возраста проницательна, но она все-таки старая женщина, живущая одна, и ее легко разжалобить трогательными историями. У нее доброе сердце, а это означает, что она беззащитна для всякого рода проходимцев.

Не в первый раз хорошенькая молодая особа пытается отхватить жирный кусок от состояния семьи Даченко.

К несчастью для мисс Раш, он уже не стеснительный двадцатилетний юнец, которому не хватает привязанности и любви. И не такой простодушный, чтобы обмануться невинной внешностью.

Ана – все, что у него осталось от семьи, и будь он проклят, если позволит кому-либо ей навредить, как это было с ним.

Из-за занавески появилась каталка с Анной – ее везли к лифту. Поравнявшись со Стюартом, Ана слабо помахала ему. Он схватил ее руку и прижал морщинистые пальцы к губам.

– Скоро увидимся, тетя, – прошептал он.

– Зал ожидания хирургического отделения на третьем этаже, – сообщила ему медсестра. – Если вы хотите там остаться, то мы дадим вам знать, как только операция закончится.

– Благодарю вас.

Это сказала Пейшенс. Ее мягкий голос прозвучал раньше, чем Стюарт успел ответить.

Он моментально напрягся и спросил:

– Вы что, тоже собираетесь ждать?

– Конечно, – ответила ему Пейшенс и, обращаясь к Ане, добавила: – Я не смогу заснуть, пока не узнаю, что с вами все хорошо.

Ана улыбнулась:

– Но Найджел...

– Найджел не пропадет, – заверил тетю Стюарт. Он, разумеется, не в восторге оттого, что здесь маячит мисс Раш, но не будешь ведь препираться у больничной каталки, на которой лежит твоя собственная тетушка. – Не волнуйся.

– К тому же его не помешает проучить, – сказала Пейшенс. – Пусть почувствует, что он виноват. Обещаю, сразу же его накормлю, как только вернусь домой после вашей операции. – Она выразительно посмотрела на Стюарта, словно говоря: «И не вздумайте возразить».

Седативные начали действовать. Ана, едва ворочая языком, пробормотала с улыбкой:

– Ты хорошая девочка, – и закрыла глаза.

«О да, просто душка», – про себя сказал Стюарт. Его покорило, когда она произнесла «вернусь домой». Выходит, богатый тетин особняк – ее дом! Похоже на повторение того, что было десять лет назад, только на этот раз вместо соблазнительной блондинки, прокравшейся в их жизнь, оказалась брюнетка со скрытым взглядом и... заманчивой фигурой, чего со счетов не сбросишь.

Занятно, что она старается преуменьшить свою сексуальность. Может, это тактический шаг? Если так, то это не сработало. Наряди ее даже в балахон, аппетитные формы не спрятать. Он не мог – как бы ему того ни хотелось – не признать, что сразу оценил ее привлекательность.

Но она прячет не одну лишь фигуру. Он заметил, как она отвернулась, когда он упомянул о секретах. В Пейшенс Раш много всего другого, что не сразу бросается в глаза. И он намерен выяснить, что именно.

Они сидели друг против друга, пока Ана находилась в операционной. Стюарт сдвинул стулья и пристроил ноутбук, чтобы, не теряя время, поработать. А Пейшенс удовольствовалась старыми женскими журналами. Она прочитала все о фасонах на прошлую осень, узнала, как определить, изменяет ли тебе супруг онлайн в Интернете, и теперь ей нечего было делать. Она откинулась на спинку стула и раз от разу бросала гневные взгляды на племянника Аны.

Кем он себя возомнил, предполагая, что она виновата в том, что Ана упала? Пейшенс и представить такое не могла. Анастасия Даченко спасла ее, взяв к себе на работу. Каждое утро она просыпалась со словами благодарности за то, что теперь ходит по улице с высоко поднятой головой. Наконец-то у нее есть работа, которой можно не стыдиться. Чувство вины снова накатило на Пейшенс – можно прибавить это к длинному списку сожалений, – но она каждый божий день рассчитывается за прошлые ошибки старательной работой и уходом за Аной. Да такой прекрасной домработницы и компаньонки не отыскать во всем Бикон-Хилл¹.

«Скажи-ка ты об этом Стюарту Даченко». Если он узнает, что она обманным путем устроилась на эту работу, то она и глазом не успеет моргнуть, как он вышвырнет ее на улицу.

Страшно подумать, что он сделает, если узнает, чем она зарабатывала себе на жизнь до того, как встретила с Аной.

Шуршание бумаг привлекло ее внимание. Она подняла голову: Стюарт тер переносицу, вид у него был усталый. Пейшенс не могла не признать, что, несмотря на свою резкость, он искренне беспокоится о своей двоюродной бабушке. А с каким обожанием Ана говорит о нем? Привязанность взаимна, это факт.

– Мистер Даченко? – Миниатюрная медсестра, с афроамериканской внешностью, в ярко-розовом халате, появилась из-за угла. Оба, Стюарт и Пейшенс, вскочили на ноги. – Доктор Ричардсон только что позвонил. Он вскоре спустится вниз и поговорит с вами, но он хотел, чтобы вы знали, что ваша тетя без проблем перенесла операцию, и теперь ее везут в послеоперационную палату.

– Слава богу! – громко воскликнула Пейшенс.

Стюарт посмотрел на нее, и по выражению его голубых глаз она поняла, что их мысли совпали.

– Мы можем ее увидеть? – спросил он.

– Она пробудет в послеоперационной палате несколько часов, – ответила медсестра и покачала головой. – Учитывая который сейчас час, ее могут оставить там до утра. Так что вам лучше уехать отдохнуть и вернуться завтра.

Пейшенс видела, что Стюарт готов возразить. Ей казалось, что если он станет настаивать, то ему уступят. Но, должно быть, здравый смысл возобладал, – а может, усталость, – потому что он кивнул и спросил:

– Когда доктор Ричардсон придет сюда?

– Он сказал, что сейчас спустится. Думаю, минут через пять – десять.

Но прошли все двадцать. Появившись, доктор Ричардсон кратко обрисовал картину, не сказав ничего нового. Тете вставили пластину и шурупы, чтобы зафиксировать сломанную кость. Операцию она перенесла благополучно. Ночью за ее состоянием будут следить на слу-

---

¹ Бикон-Хилл – аристократический район в Бостоне. (Здесь и далее примеч. пер.)

чай осложнений. Но он не может точно сказать, сколько времени ей необходимо оставаться в больнице.

Тем не менее Пейшенс покинула больницу с ощущением того, что Ана в надежных руках. И еще один плюс: Стюарт разговаривал по телефону, поэтому новых обвинений не последовало. Ей надо постараться избегать этого человека.

Когда она открыла дверь в дом Аны, то первое, что увидела, – это пара злых зеленых глаз. Но Пейшенс было не испугать.

– Нечего возмущаться, мистер. Сегодняшняя история – твоя вина.

Найджел, обиженно фыркнув, прыгнул со столика в прихожей и помчался на кухню. Спустя секунду оттуда раздался требовательный вопль.

– Вымогатель! – крикнула ему Пейшенс. – Такие обжоры, как ты, всегда умирают с голоду.

Она пошла по коридору на кухню. Босоножки непривычно громко хлопали по полу. Как-то странно находиться в этом богатом особняке одной. Ана часто куда-то выходила, но редко после восьми часов вечера, поэтому ее отсутствие ощущалось особенно остро. Пустота давила. Взгляд упал на что-то блестящее, когда Пейшенс проходила мимо столовой. Серебряный сервиз, который она полировала, когда Ана упала с лестницы, все еще стоял на столе, а салфетка валялась на полу, куда Пейшенс ее уронила, услышав крик Аны. Пальцы сжали мягкую ткань. В голове все прокрутилось заново: на полу внизу лестницы, скорчившись, лежит ее благодетельница. Пейшенс сделалось тошно. Слава богу, что Ана поправится. Она приведет дом в идеальный порядок к возвращению хозяйки. Начнет с чистки чайного сервиза, чтобы блеснул.

Найджел возобновил мяуканье. Пейшенс бросила тряпку на стол.

– О, ради бога, я уже иду. Пять минут подождешь и не умрешь.

Она развернулась и... уперлась в высокую, крепкую стену.

– Что... – Ну почему она не взяла в руки чайник... как оружие?

Стюарт Даченко выгнул темную бровь. Глаза у него ярко сияли даже в слабо освещенном коридоре.

– Я вас испугал?

– Как вы вошли?

– Так же, как и вы. При помощи ключа. – Он поднял руку с ключом на брелоке. – Или вы думаете, что только вам Ана позволяет входить в дом?

– Не говорите глупостей. Я просто не услышала звонка в дверь. – Они стоят слишком близко. Так близко, что она улавливает его дыхание – оно пахнет мятой. Пейшенс не привыкла к приятному дыханию, у мужчин во всяком случае. Это застало ее врасплох, и поэтому она не сразу отодвинулась от него. А когда отодвинулась, то увидела два чемодана у лестницы.

От него не укрылся ее удивленный взгляд. Он пожал плечами:

– Я продал свою квартиру в кондоминиуме, уезжая из Лос-Анджелеса. Пока не найду что-нибудь подходящее, то здесь жить удобнее, чем в отеле.

Удобнее для чего? Держать ее в поле зрения?

Он, словно читая ее мысли, произнес:

– Ана приглашала меня, когда я уезжал в первый раз. Она, разумеется, тогда не думала, что может оказаться в больнице. Если я буду здесь, это не создаст для вас сложностей? – Глаза у него при этом сверкнули, как бы вызывая ее сказать, что да, сложности возникнут.

Но Пейшенс не намерена доставить ему такое удовольствие.

– Нет, конечно. С чего это у меня могут возникнуть сложности?

– Ну, лишняя работа. Я же знаю, что вы привыкли к тому, что в доме только вы и Ана. Еще один завуалированный намек. Да этот человек неисчерпаем на них.

– Лишняя работа – это не проблема. Уборка и есть уборка. К тому же вы сами сказали, что это временно. Разве не так?

– Будем надеяться. Полагаю, что я останусь, пока Ана не встанет на ноги и я не пойму, что у нее все в порядке.

Что он имеет в виду? Боится, что Пейшенс улизнет, прихватив столовое серебро? Почему бы ему прямо не сказать, что у него на уме?

– Вы мне не доверяете, да?

– Нет, не доверяю.

Наконец-то сказал все, как есть. Она оценила его прямоту. Долой фальшивую дружелюбность. Хотя она все равно видит его насквозь.

– Ваша тетя мне доверяет. Вы хотите сказать, что Ана плохо разбирается в людях?

Пейшенс приблизилась к нему и посмотрела прямо в глаза. Пусть не думает, что он ее испугал. Она стояла так близко, что почувствовала запах его кожи. Как и дыхание, запах был свежим, чистым, несмотря на то что он целый день провел в дороге. У нее в желудке что-то задергалось и затрепетало. Словно крылышки бабочек.

Стюарт не отвел глаза. И она тоже. Оба застыли, словно выжидая, кто первым дрогнет.

– Моя тетя отличается великодушием. Я же...

– Позвольте мне догадаться: вы – нет.

Пейшенс скорее почувствовала, чем увидела, как он улыбнулся.

– Я предпочитаю руководствоваться разумом. Так совершишь меньше ошибок.

– За исключением этого случая. Вы уже ошиблись.

– Посмотрим. Раз уж я живу здесь, то у нас будет много времени, чтобы познакомиться. Кто знает, что мы узнаем друг о друге?

Он исчез наверху лестницы, а Пейшенс раздраженно хмыкнула.

Но не стоит бросать ему вызов. Ей только не хватает держать над головой плакат со словами: «У меня есть секрет!»

Надо задвинуть свое прошлое подальше. Ей следовало знать, что будущее, построенное на лжи – даже на невинной, – долго не продлится.

Пейшенс вонзилась зубами в костяшки пальцев. Только не паниковать. Пока нет необходимости идти укладывать вещи. Эти пустые угрозы, скорее всего, ничего не значат, кроме желания поставить ее на место из-за того, что это не он взял ее на работу. Пройдет пара дней, он увидит, как отлично она справляется со своими обязанностями, оставит ее в покое и уедет.

Такой вариант вполне возможен.

Глава 2

Грудь придавило что-то тяжелое. К тому же «оно» вибрировало.

– Найджел, пошел вон, – пробормотал Стюарт. Должно быть, он оставил дверь открытой, когда поднялся наверх. Он выпростал руку из-под одеяла, и пальцы нащупали шерсть. Мурлыканье тут же усилилось. Тоскливый голос в мозгу напомнил ему, что последнее время к нему в постели никто не прижимался.

– Эй, осторожно, приятель, – сказал Стюарт, когда кот начал впиваться в него когтями. – Мне могут понадобиться кое-какие части моего тела... когда-нибудь. – Кто знает? Случаются и непредвиденные вещи.

Он рано осознал, что такое быть наследником Даченко: его оценивают, но не понимают. В детстве его неловкость и замкнутость называли снобизмом, когда же он подрос, то его принимали в обществе в соответствии с банковским счетом. Ему приходилось постоянно быть начеку, определяя мотивы каждого человека, с которым он сталкивался. Один раз он этого не сделал... и эта ошибка преподала ему два новых урока: не позволять сексу затуманить тебе сознание; даже члены семьи могут тебя использовать. Семья... Ана была единственным представителем семьи, кто любил его просто так.

Голова Найджела ткнулась ему в руку, чтобы его погладили. Стюарт со вздохом открыл глаза и четко разглядел кота сквозь контактные линзы, которые забыл вынуть. Неудивительно, что теперь глаза резало, словно в них насыпали песка. Интересно, сколько сейчас времени? Вчерашний день так измотал его, что он едва помнил, как повалился в постель.

Хотя не настолько был измотан, если стал пререкаться с домработницей. Конечно, с его стороны немного пренебрежительно появиться в доме без предупреждения, но он хотел показать ей, что управление богатым домом не находится в ее руках, и заодно посмотреть, как она прореагирует на это.

Она отнеслась к этому лучше, чем большинство его профессиональных оппонентов. И у большинства его оппонентов нет глаз, которые зажигаются и сверкают. Темные и... греховные, их блеск заставляет сердце биться с бешеной скоростью, чего никогда не бывает в суде.

Такие сверкающие глаза могут подвигнуть человека на многое.

А как насчет того, чтобы не позволять сексу затуманить разум и повлиять на ясность суждения?

Не обращая внимания на недовольное урчание Найджела, Стюарт перекатился на бок и протянул руку к телефону на тумбочке, чтобы посмотреть, который час. Рано, конечно, но не настолько, чтобы не позвонить партнеру. Честолюбивые личности практически спят в офисе.

Как он и ожидал, Боб Каннингем ответил сразу же:

– С возвращением. Слышал, что можно вас поздравить. – Он имел в виду дело, которым Стюарт занимался в Лос-Анджелесе.

– Жаль, что бывшая миссис Уэнтуорт не одумалась в прошлом году. – Вместо этого она ввергла семью своего покойного мужа в кучу неприятностей, с которыми Стюарту пришлось месяцами разбираться. В результате он отсутствовал восемь месяцев и прозевал появление Пейшенс Раш в собственной семье. – Осталась парочка моментов, которые надо прояснить. О них я с вами поговорю позже, а сейчас мне необходимо узнать относительно прошлого некоей женщины по имени Пейшенс Раш.

– Это ее настоящее имя?

Хороший вопрос. Странно, но Стюарт надеялся, что имя было подлинным.

– Вот вы мне об этом и скажите, – ответил Стюарт и сообщил все известные ему детали.

– Не очень-то много данных для детектива, – заметил Боб.

– Он работал и с меньшими.

– Согласен. Каков будет номер клиента?

– СД 100. – На другом конце линии послышалось удивленное хмыканье. Стюарт редко пользовался своими дискреционными кодами, но сыщик того стоил. Потраченную сумму он фирме возместит.

Партнер помолчал, прежде чем произнести:

– С этим придется немного подождать. Мы заняли его парой других дел.

Стюарт понимал, что дела клиентов всегда на первом месте, а у него дело личное.

– Пусть займется этим, как только сможет.

Пока что он просто не будет спускать глаз с Пейшенс Раш. Что касается ее глаз, то Стюарт не удержался от улыбки. В мире полно занятий и похуже.

Приняв душ и одевшись, он спустился вниз. Из кухни доносились приглушенные голоса. Вернее, один голос. Он обнаружил там Пейшенс – она сидела на корточках около миски Найджела с совком для мусора и веником в руках.

– Кот, который изображает умирающего от голода, не будет раскидывать еду повсюду, – бормотала она. – Вот возьму и выброшу полную миску. Посмотрим, что ты тогда будешь делать.

Стюарт засмеялся.

Пейшенс бросила на него сердитый взгляд:

– Вы всегда подкрадываетесь к людям?

Вот они, ее глаза. Сверкающие бриллианты. Стюарт скрестил ноги, чтобы джинсы не так сильно давили в паху.

– Я и не знал, что ходить по дому, означает красться.

– Тогда надо ходить не так бесшумно, – бросила ему она. – Или надеть обувь.

Он посмотрел на свои босые ноги.

– Учту. А могу я спросить, почему кот вызвал ваш гнев?

– Найджел не кот. Это избалованный ребенок на четырех ногах.

Как и все коты Аны. Тетя имела склонность баловать приبلудившихся животных. Встав на ноги, Пейшенс прошла к мусорному ведру. А Стюарт спросил себя, естественная ли у нее такая соблазнительная походка или она действует целенаправленно.

– Выходит, что у вас двоих дружеские отношения? – заметил он.

– У нас с Найджелом прекрасные отношения. Почему вы спрашиваете? – Она высыпала испорченный корм в ведро и со стуком захлопнула крышку, нажав на педаль. – Боитесь, что я столкну и его с лестницы?

– Ну нет. Такая умная женщина, как вы, знает, что причинить вред Найджелу – это самый быстрый способ попасть в немилость у Аны.

Она смерила его долгим взглядом.

– Это надо считать комплиментом?

В какой-то степени да. Он действительно думал, что она умная.

– Если вам так хочется, то считайте.

– О, спасибо. Постараюсь не возгордиться.

Умная и острая на язык. Одета она была так же, как вчера: джинсы, блузка и кардиган. Волосы она зачесала назад и закрепила пластмассовым кольцом. Впервые он близко рассмотрел ее лицо. Вчера его внимание было занято ее глазами, а вот сегодня он отметил и другие черты: покатуую линию носа и не совсем правильный прикус – верхние зубы слегка задевали нижнюю губу; на правой скуле едва заметный шрам, но все-таки видны швы, поскольку она без макияжа. Шрам был совершенно неуместен... ну как трещина на хрустальной вазе.

Пейшенс кашлянула. Стюарт понял, что беззастенчиво ее разглядывает, и торопливо надел очки. Сейчас тот редкий момент, когда он рад, что в очках. Он терпеть не мог очки в

массивной черной оправе. Вероятно, это модно, но очки напоминали ему времена детства и юности, неловкость, которую он тогда испытывал.

Он сменил тему:

– Неужели пахнет кофе? – В воздухе плыл явственный аромат поджаренных зерен, что необычно для дома тети, где всегда пили чай.

Пейшенс кивком указала на металлический кофейник в дальнем углу.

– Сливки и сахар в столовой. Вы любите плотный завтрак или европейский?

– Ни то ни другое.

Она что, предлагает приготовить ему завтрак?

– Вы меня обслуживаете? – спросил он, глядя, как она достает из буфета кофейную чашку. – С чего бы это?

– Потому что это – моя работа, – ответила она. – Я готовлю завтрак каждое утро. Раз здесь есть кто-то, я буду подавать завтрак. – Она налила кофе в чашку и протянула ему.

Стюарт уставился на черную жидкость. Прошлым вечером Пейшенс ясно дала понять, что не рада его пребыванию в доме, но все же наливает ему кофе и предлагает приготовить завтрак. Говорит, что это ее работа. Она на самом деле эталон ответственности или это у нее такая уловка, чтобы он нарушил правила своей игры? Если последнее, то это срабатывает.

– Что-то не так? – спросила она. – Вы будете чувствовать себя спокойнее, если я первой выпью чашку кофе?

– Хорошо, я вас понял. – Он отставил чашку. – Вам не нравится то, что несчастный случай с Аной вызывает у меня сомнения.

– Это я вызываю у вас сомнения, а не случай с Аной. Вы почти что обвинили меня в том, что я столкнула вашу тетю с лестницы.

Да, она права. Он понимал, что поступил не лучшим образом. Если относиться к женщине, как к враждебно настроенной свидетельнице, то ничего не достигнешь. Подобная ситуация требует более деликатного подхода.

– Простите, – сказал он. – Но я вынужден быть настороже, когда дело касается незнакомых людей в моей семье.

– Ну а у меня проблема другого рода: меня обвиняют в преступлении, которого я не совершала, – ответила она, не приняв его попытки к перемирию. – А теперь, если позволите, я займусь делами.

– Может, стоит ему поверить? Может, он на самом деле считает свое замечание извинением?

– Некоторые люди не очень-то умеют извиняться.

Лицо Пайпер заняло весь экран смартфона. Слава богу, что есть возможность общаться через чат в Интернете. Ей так нужен сейчас благожелательный собеседник, а Пайпер – единственный человек на свете, которому она может довериться. Пейшенс связалась с ней, как только села за секретер Аны.

– Может, он как раз из тех людей, – продолжала сестра.

– Возможно, это потому, что он считает, что никогда не ошибается. – Пейшенс вздохнула. – Не представляю, как смогу обслуживать этого человека, пока Ана в больнице. Это какой-то страшный сон.

– Ой, перестань. Все не так ужасно.

– Ты шутишь? Мы живем под одной крышей. Как я смогу его избегать?

– Ну не будет же он слоняться по дому.

Пейшенс готова держать пари, что, слоняясь по дому, он имеет идеальную возможность понаблюдать за ней.

– Мне он не нравится, – сказала она. – Он...

– Он что?

Слишком внушительный. И этот пристальный взгляд голубых глаз... и высокая худощавая фигура.

– Он как-то по-особому смотрит на меня, – сказала Пейшенс, оставив другие мысли при себе.

– Парни всегда на тебя пялятся.

– Но не так. – Те парни были мерзкие. С нахальными руками и похотливыми глазами. – Он будто пытается угадать, о чем я думаю. – Она не привыкла к тому, чтобы мужчина смотрел на нее иначе, как на цыпочку с аппетитными формами. Действует на нервы, когда мужчина лезет в душу своим взглядом. – К тому же он постоянно говорит о секретах. Я боюсь проговориться и сказать что-нибудь лишнее.

– Тогда не разговаривай с ним. Домработница не обязана быть болтушкой.

– Это верно.

– Я тут видела фильм, где женщина всыпала мужу в тарелку яд, чтобы он оставил ее в покое. Ты тоже можешь попробовать.

– О да, конечно. – Смех, вот что ей необходимо. – Но если серьезно... Что мне делать?

– Скажи ему правду.

Пейшенс покачала головой:

– Я не смогу.

– Почему нет? Я уверена, что Ане все равно, особенно когда она узнает все, как есть. Я хочу сказать, что ведь у тебя не было выбора. Ана наверняка поймет, что ты сделала то, что должна была сделать.

Возможно, но как насчет причины, по которой Пейшенс так долго ничего не рассказывала? И еще... Есть секреты, о которых Пайпер ничего не знает. И лучше будет, если не узнает никогда.

Она опять покачала головой:

– Мне просто нужно держать ухо востро. Надеюсь, когда Ане станет лучше, он потеряет интерес. Богатый, красивый адвокат... Я уверена, что у него есть занятия поинтереснее, чем дела домработницы.

– Ты не говорила, что он красивый.

– Ну, у него приятная внешность, – ответила Пейшенс. – Но это не важно. Меня больше волнует другое: как бы сохранить эту работу.

– Все уладится. Ты ведь самый что ни на есть неунывающий человек, каких я знаю.

Да, неплохо бы разделять уверенность сестры.

– Давай поговорим о чем-нибудь еще, – сказала она, устав от собственного нытья. – Как дела в школе?

– А... хорошо. Но французская выпечка не простая штука.

– Держу пари, что твои печенья фантастические. А ты можешь прислать мне по электронной почте свои задания? – Пейшенс очень гордилась сестрой. Получить стипендию на обучение кулинарному искусству в Париже! Успех Пайпер стоил всех ее усилий ради сестры. – А как работа? – спросила Пейшенс. Сестра оплачивала жилье, работая там же прислугой. Хозяину страшно повезло, что у него прислуга – высококлассный повар.

– Фредерик не часто ест дома.

Экран не смог скрыть досаду на лице Пайпер. У Пейшенс мгновенно разыграл материнский инстинкт.

– Что не так? – спросила она.

– Ничего, – поспешно ответила Пайпер. – Мне просто не нравится, когда не для кого готовить. Я скучаю по тебе.

Тоска по дому. Разумеется. Пейшенс могла бы догадаться. Они впервые расстались так надолго. Как бы ей ни было тяжело, Пайпер тяжело вдвойне: она ведь одна в чужой стране.

– Пайп, и я по тебе скучаю. Но ведь у нас есть вай-фай. Ты же можешь общаться со мной в любое время, когда захочешь.

Пайпер улыбнулась:

– И ты тоже. – С экрана послышался шум, и сестра оглянулась через плечо. – Послушай, мне нужно идти. Только что появился хозяин. Не позволяй племяннику Аны запугать тебя, договорились? Ты нисколько не хуже, чем он.

– Спасибо. Я тебя люблю.

– Я тебя тоже люблю.

Улыбка исчезла с лица Пейшенс, как только она отключила связь. Пайпер так верит в нее. Пейшенс вовсе не из-за всего в своей жизни испытывала стыд. Например, она вырастила Пайпер. И очень гордилась тем, какой стала ее маленькая сестренка. Дать Пайпер шанс на будущее – хорошее будущее, – вот чего она всегда для нее хотела.

За спиной послышался стук. От неожиданности она вздрогнула.

– На этот раз вы не сможете обвинить меня за то, что я подкрадываюсь, – произнес Стюарт. – Я постучал.

Да, он постучал и теперь застыл в дверях, скрестив руки на груди. Высокий и стройный... словно скульптура. Он даже в джинсах и босой умудряется выглядеть по-королевски внушительно. Она уверена, что и в лохмотьях он все равно выглядел бы точно так же. А очки, которые любого другого сделали бы «ботаником», на нем смотрелись просто шикарно...

У Пейшенс из заколки выпало несколько прядок, она смущенно откинула их с лица и спросила:

– Вам что-нибудь нужно?

– Мне вдруг пришло в голову, что я произвел впечатление... Вы что, записываете счета? Его взгляд упал на раскрытую бухгалтерскую книгу, лежащую на секретере.

– Я сверяю чековую книжку. Ана любит записи от руки, как дополнение к записям онлайн в компьютере. – Пейшенс хотела добавить, что его тетя попросила ее взять на себя эту заботу, потому что стала путаться в цифрах, но расскажи она ему про это, он сочтет, что она оправдывается, а она не желает чувствовать себя виноватой за то, что делает свою работу.

– Я никогда не понимал ее упорства вести записи дважды, – ответил он.

Пейшенс ждала более ехидного замечания.

Он подошел поближе к секретеру и через ее плечо уставился на экран ноутбука.

– По-моему, таким образом возникает больше возможностей для ошибок.

– Я пыталась убедить Ану в том же. – Пейшенс постаралась сжаться, но его грудь почти касалась ее уха. А запах его лосьона... чистый, свежий.

– Вы забыли ввести номер чека 3521, – сказал он, указывая на экран.

– В этом-то вся проблема, – ответила Пейшенс. – Ана забывает отмечать чеки в обоих местах. Видите? – Пейшенс указала на запись в грессбухе. – Чек 3521 внесен ее рукой. – Она заерзала на стуле. – Вы собираетесь допрашивать меня обо всем, что я делаю с тех пор, как живу в доме? Если так, то вам придется остаться здесь очень надолго.

– Я ни о чем не допрашиваю. Я всего лишь указал на пропущенный чек.

– Послушайте, – сказала она, – я знаю, что я вам не нравлюсь...

– Я никогда не говорил, что вы мне не нравитесь.

Пейшенс непонимающе заморгала:

– Разве?

– Нет. Я сказал, что не доверяю вам. Есть разница.

Разница не большая.

– Да ну? Вот спасибо. Какое облегчение.

У него слегка покраснели щеки, он даже смущенно улыбнулся.

– Я пришел, потому что понял: то, что я сказал на кухне, не прозвучало извинением, как следовало. Я должен был сказать, что сожалею, что разговаривал с вами прошлым вечером, словно вы – свидетель в суде. Надо было прекратить разговор на эту тему, раз Ана подтвердила ваш рассказ.

– На самом деле, – ответила ему Пейшенс, – вам следовало высказать сожаление, что вы предположили, будто я причинила вред вашей тете.

Стюарт уперся в край стола, и она оказалась в капкане его рук. Тепло его тела, запах лосьона щекочет ноздри... От этой гремучей смеси у Пейшенс часто забилося сердце.

– Ана – это моя единственная семья, – сказал он. – Я не буду извиняться за то, что пытаюсь ее оберегать.

Вот тут бы и отплатить ему той же монетой, также едко. Но Пейшенс поняла его. Поняла это желание оберегать свою семью, делать для родных то, что необходимо, чего бы это ни стоило.

Хотя она не готова до конца его простить.

– Давайте прямо все выясним, – сказала она и решительно расправила плечи. – Я люблю Ану. Она по-доброму ко мне отнеслась. По-настоящему хорошо. Я никогда ее не обижу. Мне безразлично, какая у вас значительная причина, но... с вашей стороны непорядочно думать обо мне плохо.

Они опять вернулись к тому, с чего начали, – противостоянию. Пейшенс едва справлялась с дыханием. Почему она так волнуется? Его запах тому виной, его близость или это оттого, что она стоит на своем?

Стюарт лениво улыбнулся:

– Да, я повел себя непорядочно, признаю.

Неужели она одержала над ним победу?

– Ну наконец-то мы хоть на чем-то сошлись. – Пейшенс снова откинулась на спинку стула и... оказалась прижатой к его руке. Надо сейчас же выпрямиться, отодвинуться! Но это обнаружит ее волнение, а она ведь не волнуется! Пейшенс изобразила равнодушие и постаралась спокойно произнести: – Извинение принято.

Стюарт усмехнулся, но, к счастью, отстранился от нее. Теперь Пейшенс стало не хватать его запаха.

– Как насчет того, чтобы начать с чистого листа? – произнес он. – Привет. Я – Стюарт Даченко.

Она уставилась на его протянутую руку и подумала о том, что следовало бы поостеречься.

– Почему? – спросила она.

– Что – почему?

– Почему поворот на сто восемьдесят градусов?

Он явно ждал вопроса, потому что рассмеялся:

– Потому что вы правы, а я был дрянью. И еще потому, что Ана намылит мне шею, если узнает, как я себя повел. Наши пререкания, словно мы двенадцатилетние подростки, ее расстроят. Поэтому я надеюсь, что ради ее спокойствия мы будем вежливы.

В его предложении есть резон.

– Это означает, что вы решили мне доверять?

– Не будем впадать в крайности. Однако я готов дать вам возможность доказать мне, что я не прав.

– Ну, это огромный шаг вперед с вашей стороны. – Хотя говоря по правде, у них есть кое-что общее: она ему тоже не доверяет.

Он все еще стоял с протянутой рукой. Что ж, и она сделает шаг навстречу. Ради Аны.

– Я – Пейшенс Раш, – сказала она, пожав ему ладонь.

Его пожатие было крепким и уверенным. У нее по руке снизу вверх пробежала дрожь. Пейшенс испугалась. Тоненький голосок прошептал ей, что она играет с огнем. Стюарт – не какой-то вонючий подонок, которого она в силах отвадить одним взглядом. Он тот, чье влияние и вес могут погубить ее жизнь. На нем словно висит плакат со словами предостережения: «Не дотрагиваться».

– Рад с вами познакомиться, Пейшенс. Я с нетерпением жду возможности лучше узнать вас.

– Я тоже.

Она не знала, что еще сказать. Впрочем, как и он. Повисло неловкое молчание. Непонятные флюиды протянулись между ними и связали их. Это сверхъестественно. У Пейшенс было неукоснительное правило – создавать невидимую стену, отгораживающую ее от остального мира. Это не касалось только Пайпер. Почувствовать любого рода связь выводило ее из равновесия.

Но эта улыбка Стюарта... задумчивая, лишь уголком рта.

– Увидим, какие мы с вами вежливые.

– Не стоит впадать в крайности, – повторила она его слова. – Прошла всего минута. Посмотрим, что будет в конце дня.

– Я готов рискнуть, если и вы тоже рискнете.

О, она только за. Если вежливость подразумевает, что он прекратит разговоры о «секретах», то она готова быть с ним вежливой до конца своих дней.

Глава 3

Пейшенс была удивлена, когда Стюарт не стал настаивать на том, чтобы наблюдать за ее работой, а лишь дружелюбно произнес:

– Не забудьте отметить чек 3521.

Вероятно, намеревается перепроверить все позже, решила она.

После ланча Стюарт отправился в больницу к Ане, а Пейшенс осталась мыть окна. Она хотела было тоже навестить Ану, но потом передумала: подождет до вечера, чтобы Стюарт оценил, какая она хорошая домработница. А возможно, чтобы избежать общения с ним. Быть вежливой намного проще, если... не видеть друг друга. Энергетика, возникшая, когда они пожимали руки, до сих пор ее не отпускала. Раз трепет в животе не проходит, то мытье окон поможет от этого избавиться.

Вооружившись средством для мытья стекол и мятыми газетами, Пейшенс ожесточенно терла окна, пока запах не стал разъедать ноздри, а стекла не засияли. Потянувшись, чтобы размять затекшую спину, она взглянула на каминные часы в салоне: пять часов, значит, пора кормить прожорливое животное. Удивительно, что Найджел не прибежал наверх, громко мяукая. И в коридоре его не было.

– Нечего прятаться, чтобы потом налететь на меня из-за угла! – крикнула Пейшенс, спускаясь по лестнице на кухню. – Предупреждаю: если станешь меня пугать, то мое расположение ты потеряешь.

– Учту, – ответил Найджел голосом Стюарта. Он стоял у кухонного стола с банкой кошачьего корма в руке, а Найджел вился у него между ног.

– Что вы здесь делаете? – спросила она, чувствуя, что голос звучит у нее уж слишком отрывисто. И уже мягче закончила: – Я хочу сказать... я думала, что вы навещаете Ану.

– Я только что вернулся, а Найджел сидел у двери. Он едва не сбил меня с ног и не сломал лодыжку, требуя еды.

– Этого еще не хватало! – театрально воскликнула она. – Слава богу, что вы не были на лестнице. – Молодец Найджел: сыграл ей на руку. Киска заработала лишнюю порцию тунца.

Надо отдать должное Стюарту – он выглядел виноватым.

– Намек понял. Я был не прав.

– Что я и говорила. – Поскольку они договорились быть вежливыми, она оставила зло-радство при себе, наклонилась и забрала у него миску и почесала кота за ухом, когда тот подбежал к ней. – Как Ана себя чувствует?

– Она на анальгетиках и большей частью спит, а пару раз, когда просыпалась, то сознание у нее путалось. Медсестры уверяют, что в ее возрасте это нормально. – Он шумно выдохнул.

Пейшенс еще больше смягчилась. Одному богу известно, как потрясен Стюарт и как переживает, что отсутствовал целых восемь месяцев.

– Я уверена, что она очень скоро станет самой собой, такой же энергичной, как всегда, – сказала Пейшенс, чтобы поддержать его. И себя тоже.

– И медсестра так говорит. Но... А вы знаете, что четверть пожилых людей с переломом бедра умирает спустя полгода?

– К Ане это не относится. Она вас убьет, если это услышит. И она сломала лодыжку, а не бедро, так что ваша статистика здесь ни при чем.

– Вы правы – ни при чем. – Улыбка разгладила напряженные морщинки на его лице, на щеках обозначились ямочки – они ему очень шли. Конечно, он хорош собой и серьезный, но с искрящимися глазами... чудо как хорош.

– Да, Ана меня убила бы, – добавил он. Теперь они оба улыбнулись. Стюарт выложил кошачью еду из банки в миску.

– Я собиралась сегодня навестить Ану, – сказала Пейшенс.

– Я тоже поеду. После обеда.

Черт! Она совсем забыла про обед. Обычно к этому времени она занималась готовкой, но так увлеклась мытьем окон – и тем, что старалась не думать о Стюарте, – что другие обязанности вылетели у нее из головы.

Пейшенс откинула ладонью волосы с лица.

– Надеюсь, вы не будете возражать против простого обеда. Я забыла вынуть мясо из морозилки.

– Не беспокойтесь. Я перехвачу что-нибудь по пути. Ужасно хочется съесть гамбургер в ресторане «У Эла».

– Ну нет.

– Что? Вам не нравятся его бургеры?

– Да нет, нравятся. – Пейшенс удивилась, что Стюарт это любит. Ресторанчик «У Эла» представлял собой крошечное заведение около эстакады метро. Такие места, разумеется, не проходят санинспекцию, но там самые что ни на есть вкусные бургеры и сэндвичи с бифштексом. Стюарту больше подошло бы что-нибудь высшего разряда, изысканное, ну, к примеру, винный бар дальше по улице. – Их барбекю ни с чем не сравнится.

– Хотите пойти со мной?

С ним? У нее зашевелились волосы на затылке. Пейшенс не доверяла этому новому Стюарту, более мягкому. Нельзя забывать, что он все еще не доверяет ей.

– Нам обоим надо поесть, – сказал он, заметив ее нерешительность. – Мы же потом собираемся в больницу. Почему не поехать вместе?

Почему нет? Да она найдет тысячу причин сказать «нет», начиная с того, что ей следует его избегать, не давать ему возможности выкопать о ней сведения.

– К тому же я задолжал вам извинения за Найджела: я был не прав.

– Правильно, задолжали, – ответила Пейшенс.

– Так что? Да?

Его улыбка... обворожительна. Сердце у нее подпрыгнуло – оно определенно подсказывает ей ответить «нет». А голос в мозгу напомнил, что она играет с огнем. Но сопротивляться такой улыбке выше ее сил.

– Хорошо, – согласилась она.

Назвать заведение «У Эла» рестораном – слишком громко сказано. Кое-кто из обитателей Бикон-Хилл находят обшарпанные кабинки и подтеки кетчупа на столах особой атмосферой. Пейшенс считала, что это просто грязь. Место слишком напоминало ей прошлые дни ее жизни.

– Мы можем взять заказ с собой, – предложил Стюарт, правильно истолковав выражение ее лица.

Пейшенс покачала головой:

– Нет. Останемся здесь. – Не хватает ей еще пикника у реки – не стоит превращать обед в свидание.

Этот другой, более добрый Стюарт заставлял ее нервничать. Они ведь отнюдь не друзья, и она не уверена, что стоит серьезно воспринимать его извинения. Так что с какой стати им вместе идти еще куда-то?

Сделав заказ, они сели в кабинку в дальнем углу ресторана, выбрав столик почище, насколько это было возможно. Пейшенс тут же вытащила упаковку влажных салфеток и стала смахивать крошки. Стюарт засмеялся:

– Вам не кажется, что это ни к чему?

– Вы предпочитаете есть за грязным столом? – спросила она. Его смех начинает ее волновать... словно теплый сироп прокатился у нее по позвоночнику. Каждый раз, когда она слышит

этот смех, у нее начинается внутренний трепет. Пейшенс удвоила свои усилия по приведению стола в порядок, чтобы подавить дрожь. – Даже не хочу думать о том, что творится на кухне.

Около салфеточницы красовалось засохшее пятно от пролитой колы, и Пейшенс с силой принялась его оттирать.

– Пайпер сойдет с ума, если увидит это место.

– Кто это Пайпер?

Пропади он пропадом! Она и не подозревала, что говорит вслух. Прошло всего пять минут, а она уже приоткрыла дверцу для личных вопросов. К счастью, Пайпер – единственная личная тема, которую она может обсуждать всегда.

– Пайпер – моя сестра.

– Дайте-ка я угадаю. Она тоже занята работой по хозяйству?

– Нет. Кулинарией, – с гордостью ответила Пейшенс. – Она учится на шеф-повара. В Париже.

– Вот это да.

По его тону и одобрительному взгляду она поняла, что он впечатлен и поверил ей. Гордость за сестру подскочила на несколько градусов.

– Ее приняли в школу прошлой осенью. Она всегда мечтала стать известным кулинаром.

– Вы, должно быть, ею гордитесь.

– Мало сказать горжусь. Я думаю, что с ее талантом она станет главным шеф-поваром. Еще ребенком ей удавалось смешивать, казалось бы, несовместимые продукты и превращать их в безумно вкусные блюда. Как-то раз прихожу домой и вижу – она готовит оладьи из халапеньо.

– И это было вкусно?

– Хотите верьте, хотите нет, но вкусно. Хотя все кругом было усыпано мукой, и я ночью еле-еле отмыла стол.

Разговор был нарушен группой студентов колледжа, которые усаживались в соседнюю кабинку сзади них. Они так громко смеялись, что даже не было слышно, как выстреливают крышки банок с пивом.

– Я и забыл, что сюда приходят со своими напитками, – сказал Стюарт. – Мы могли бы принести бутылку мерло.

– Не похоже, что здесь пьют мерло, – заметила Пейшенс.

– Ясно. Тогда пиво.

Пейшенс не удалось скрыть гримасу.

– Вы не любите пиво?

– Я не переношу этого запаха. – Он бы тоже не переносил, если бы провел не один год, вдыхая кислый, спертый воздух.

К счастью, Стюарт не стал ее расспрашивать. Он раскинул руки, отчего рубашка плотно натянулась, обрисовав торс. Пейшенс пришло в голову, что он самый классный мужчина в ресторане. А он и не догадывается об этом.

– Значит, мечта вашей сестры стать известным шеф-поваром, – сказал он. – А ваша? Вы наверняка не хотите всю жизнь быть домработницей.

«Сделать так, чтобы мечта Пайпер осуществилась».

Пейшенс старательно извлекала салфетки из дозатора. Он старается выудить из нее секреты. Ищет разгадку того, почему она нанялась к его тете. Что бы он подумал, скажи она ему, что в детстве ей было не до мечтаний? И что потом было время, когда даже должность домработницы казалась недоступной? Интересно, тогда он будет доверять ей больше или меньше? Пейшенс догадывалась, какой будет ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.